

«Сбой формы» как механизм перехода к мистическому в русском символизме конца XIX – начала XX вв.

Роман Валерьевич Чупин – независимый исследователь. Томск, Россия.

E-mail: romsen1980@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен «сбоя формы» как ключевого механизма онтологического перехода от реального к мистическому в русском символизме конца XIX – начала XX вв. Теоретической основой исследования выступают концепции философии жизни Г. Зиммеля и Ф. Ницше. Посредством них разработана авторская типология «сбоя формы», включающая ритмический, семантический и пластический типы. Каждый тип соответствует специфической траектории перехода через полумистическое состояние к мистическому («онтологическому прорыву»). Верификация модели осуществляется на материале поэзии А. Блока, И. Анненского и живописи М. Врубеля. Установлено, что «сбой формы» является онтологически необходимым событием, поскольку именно в момент дестабилизации устойчивых границ образа символ утрачивает функцию знака, становясь пространством мистического. Трехуровневая модель анализа художественного текста – реальное, полумистическое, мистическое – получает расширенное обоснование через типологию механизмов перехода.

Ключевые слова: русский символизм, сбой формы, мистическое, реальное, полумистическое, философия жизни, Г. Зиммель, Ф. Ницше.

Введение

РУССКИЙ символизм как культурно-философская система конца XIX – начала XX веков представляет собой феномен особого рода онтологического напряжения, в котором художественная форма функционирует как пространство диалектики мистического и реального. В современной науке исследование этого феномена преимущественно осуществляется в рамках структуралистских или историко-литературных подходов, которые, фиксируя формальные особенности символистского текста, оставляют в тени его онтологическое измерение. Между тем именно это измерение является определяющим для понимания специфики русского символизма как мировоззренческой системы. Как справедливо отмечает Н.Г. Коваленко, «теория символизма в Серебряном веке опирается на синтез для выражения экзистенциальных переживаний», однако механизм этого синтеза в аспекте онтологического перехода остается недостаточно концептуализированным (Коваленко 2025: 150).

Настоящее исследование ставит целью разработку типологии «сбоя формы» как механизма онтологического перехода от реального к мистическому в системе русского символизма с верификацией на конкретном художественном материале. Выбор методологии обусловлен философией жизни (нем. *Lebensphilosophie*), прежде всего концепциями Г. Зиммеля и Ф. Ницше, поскольку данная традиция предлагает онтологический каркас, в котором жизнь понимается как непрерывный поток, порождающий культурные формы и закономерно их преодолевающий.

Научная проблема состоит в том, что механизм перехода от реального к мистическому в символистском тексте остается концептуально неоформленным; в существующей литературе фиксируется сам факт этого перехода, однако его структура, типология и крите-

рии диагностики систематически не разработаны (Жук, Кузнецова 2023: 37; Темиршина 2016: 44). Предлагаемая концепция «сбоя формы» как онтологически необходимого события восполняет данный пробел и открывает возможность для герменевтики символистского текста, сочетающей эстетическую и онтологическую перспективы.

Понятие «сбоя формы» в философии жизни Г. Зиммеля и Ф. Ницше

Теоретическую основу нашего исследования составляет концепция Г. Зиммеля, развернутая прежде всего в его работе «Созерцание жизни». Г. Зиммель постулирует жизнь как первичную метафизическую реальность, обладающую сущностным свойством — непрерывно выходить за собственные пределы: «Жизнь — непрерывный, не знающий границ поток, гераклитовское течение» (Зиммель 1996а: 7). Из этого потока жизнь порождает устойчивые культурные формы — произведения искусства, философские системы, религиозные институты. Объективируясь, они отчуждаются от породившей их витальности и начинают доминировать над ней, создавая то, что Зиммель называет «трагедией культуры» (Зиммель 1996б: 445).

Принципиально в данном случае важна зиммелевская формула: «Форма — это граница, но она всегда преодолима» (Зиммель 1996а: 22). Жизнь давит на форму изнутри, стремясь к «большему, чем она сама», — к «более-жизни» и «более-чем-жизни» (Зиммель 1996а: 17). В момент предельного давления жизни на форму происходит то, что в настоящем исследовании обозначается как «сбой формы». Здесь структура теряет устойчивость, ее границы дестабилизируются, и через них жизнь прорывается в онтологическое измерение, недоступное рациональной верификации. Мистическое в данной системе координат определяется когда жизнь становится более жизнью и более, чем жизнью (Зиммель 1996а: 105). Тем самым мистическое понимается как интенсификация имманентного жизненного, его внутреннее «разрастание» за пределы феноменального, а не как трансцендентное «вне» по отношению к реальному.

Ницшеанское измерение фундирует и усиливает данную концепцию. В работе «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше устанавливает фундаментальную дихотомию: аполлоническое начало – принцип индивидуации, мера, гармония, оформленность – противостоит дионисийскому – стихии экстаза, слияния, распада границ (Ницше 2000: 38). Аполлоническое структурирует реальное, тогда как дионисийское манифестирует мистическое как прорыв жизненной энергии сквозь образ. Ф. Ницше прямо указывает на онтологический характер этого события: в дионисийском экстазе «разрушается принцип индивидуации», и «индивидуальное я» растворяется в первобытном жизненном потоке (Ницше 2000: 43). Именно здесь лежит точка сопряжения ницшеанской и зиммелевской концепций: «сбой формы» – это событие, в котором дионисийская стихия давит на аполлоническую оболочку изнутри, обнаруживая ее принципиальную недостаточность перед лицом жизненной бесконечности. О.А. Матвейчев точно характеризует «дионисийство как прорыв *individuationis*», напрямую перекликающийся с житетворческими стратегиями символизма (Матвейчев 2020: 23).

На основе данных концепций выстраивается трехуровневая модель анализа художественного текста. Уровень реального включает оформленную форму, рациональную композицию, предметную репрезентацию, смысл здесь логически структурирован и выразим средствами языка, форма устойчива, образ предметен. Уровень полумистического как зоны метафизического сдвига характеризуется граничащим напряжением, смысловой избыточностью и «дрожанием» символа; в данном случае форма сохраняет структурную целостность, однако уже охвачена внутренним «метафизическим движением». Уровень мистического как онтологического прорыва знаменует распад формы как структурной опоры, онтологическое безмолвие и контакт с трансцендентным. «Сбой формы» – это обозначение механизма перехода через второй уровень к третьему, причем данный переход является онтологически необходимым, а его структура поддается типологизации.

Типология «сбоя формы» в художественной системе русского символизма

Применение разработанного теоретического аппарата к корпусу символистских текстов позволяет выделить три основных типа «сбоя формы», каждый из которых соответствует особой траектории онтологического перехода и описывается специфическим набором эмпирических индикаторов.

Ритмический сбой характеризует распад метрической регулярности как основной структурной опоры стихотворного текста. В терминах Г. Зиммеля это соответствует ситуации, когда ритм – как устойчивая культурная форма – перестает удерживать поток жизненного содержания, и «жизнь прорывается сквозь форму» (Зиммель 1996а: 15). Показательным примером служит творчество А. Блока. В стихотворении «О, я хочу безумно жить...» (1907) начальные строфы демонстрируют регулярный четырехстопный ямб с устойчивой рифмовкой – уровень реального, где структура текста полностью контролирует смысл, а «искусство выступает как осмысленный инструмент преобразования мира» (Блок 1962а: 354). По мере развертывания лирического сюжета ритм начинает «задышаться», метрические ожидания нарушаются, возникают логико-нарративные лакуны – признаки полумистического состояния. Финальные строки манифестируют полный ритмический срыв, в котором форма утрачивает функцию структурной опоры и уступает место «онтологическому безмолвию».

Аналогичная динамика прослеживается в стихотворении А. Блока «Незнакомка» (1906). Начальные строки с их предметной конкретностью фиксируют уровень реального – устойчивую форму, предметное описание, структурированную речь. Промежуточные образы образуют полумистическое состояние, где граница между реальностью и видением колеблется, образы теряют чёткость, возникает напряженность. Финальный фрагмент реализует мистический прорыв, содержание выходит за пределы языка, обозначая момент онтологического озарения (Блок 1962б: 386). Ключевыми эмпирическими индикаторами ритмического сбоя являются нару-

шение метрического ожидания, «значимые паузы» как форма присутствия смысла через его языковое отсутствие.

Семантический сбой характеризует состояние смысловой избыточности, при которой значение образа превышает семантические возможности языка и начинает «ускользать» от рациональной фиксации. В категориях Г. Зиммеля это соответствует ситуации «более-жизни»; содержание уже не уместается в структуре, и символ перестает быть знаком, приобретая онтологический статус. Этот тип сбоя наиболее полно представлен в творчестве И. Анненского. В поэтическом сборнике «Кипарисовый ларец» поэт последовательно строит образы, исходная предметность которых постепенно наполняется семантической избыточностью, в данном случае конкретная вещь превращается в символ бесконечного смысла, а затем — в «чистое присутствие» без вербального эквивалента. Этот процесс соответствует описанию мистического как состояния, когда «жизнь становится более жизнью» (Зиммель 1996а: 105). В данном случае мистическое определяется как интенсификация имманентного жизненного, его внутреннее «разрастание» за пределы феноменального. Ключевой эмпирический индикатор семантического сбоя – внезапная метафизическая глубина образа (он не поддается вербализации) оказывает экзистенциальное воздействие.

О.Н. Кузнецова указывает, что в символизме проблема понимания смыслов в искусстве принципиально сопротивляется рациональной вербализации (Кузнецова 2019: 67-68). Именно семантический сбой производит это сопротивление на уровне структуры текста, где значение присутствует как избыточная сила, давящая изнутри на языковую форму и разрывающая ее семантические швы.

Пластический сбой описывает деформацию предметности и телесности в изобразительном тексте как механизм перехода к мистическому. Данный тип получает исчерпывающую верификацию на материале живописи М. Врубеля, прежде всего цикла о Демоне. В «Демоне сидящем» (1890) уровень реального задается устойчивым силуэтом фигуры, читаемыми объемами тела и локальными цветами — «предметной репрезентацией», по зиммелевской классификации. Переход к полумистическому фиксируется через фасеточную фактуру, которая начинает «вибрировать», размывая контуры и

создавая эффект двойственности. Фигура принадлежит одновременно человеческому и нечеловеческому измерениям. Мистический прорыв осуществляется через частичный распад предметности в светоносные структуры, форма утрачивает опорность, граница фигуры и фона растворяется, а взгляд персонажа прорывает плоскость холста, обнаруживая за ней онтологическое измерение. Искаженная пластика, изломанные пропорции и «стеклянный» взгляд Демона суть признаки предельного напряжения — «более-чем-жизни», которая уже переполнила форму, но еще не полностью ее разрушила (Зиммель 1996а: 17). Мы наблюдаем ключевые эмпирические индикаторы пластического сбоя, гиперболизацию или деформацию телесных пропорций, размывание контуров фигуры, растворение границы фигуры и фона, мерцание колорита как знак метафизической вибрации.

Приведенная типология обнаруживает общую структуру: «сбой формы» всегда является двухфазным событием. Первая фаза — дестабилизация устойчивых границ образа при сохранении его структурной целостности — соответствует полумистическому. Вторая фаза — исчезновение формы как структурной опоры — знаменует переход к мистическому. Принципиальным теоретическим тезисом настоящего исследования является положение о том, что мистическое в русском символизме возникает именно в точке «сбоя формы», когда содержание не уместается в структуре, символ утрачивает функцию знака и приобретает онтологический статус. Тем самым русский символизм предстает как «культура граничного мышления, как способ жизни в постоянной готовности к прорыву», а художественная форма — как пороговая структура, удерживающая и одновременно размыкающая смысл.

Онтологический статус «сбоя формы» в ценностно-смысловой системе символизма

Теоретически важно разграничить «сбой формы» как художественный прием и как феномен с онтологическим статусом. В рамках структуралистской традиции деструкция метра, семантическая избыточность или пластическая деформация рассматриваются как

сознательные техники, инструментально используемые автором для достижения эстетического эффекта. Методология Г. Зиммеля принципиально меняет перспективу анализа: «сбой формы» – это момент, в который жизнь давит на форму изнутри с такой силой, что она не может оставаться структурно устойчивой. Художник лишь «улавливает» это давление и делает его видимым в произведении.

Данный тезис находит подтверждение в метафизике символа, разработанной внутри самого символизма. В.И. Иванов характеризует символ как «реальное» в онтологическом смысле – как то, что обнаруживает за феноменальной поверхностью метафизическую глубину (Иванов 1974: 649). Символ в данном понимании функционирует как «граничащая форма», он одновременно фиксирует эмпирическое содержание и разомкнут в сторону бесконечности.

«Сбой формы» – это именно тот момент, когда двойственная природа символа обнаруживает себя в полной мере, форма делается «непрозрачной от избыточности», язык перестает говорить и начинает молчать, а жизнь обнаруживает себя как «жажда бесформенного» (Зиммель 2006: 162).

Особого внимания заслуживает связь «сбоя формы» с символистской концепцией жизнетворчества, разработанной прежде всего А. Белым. Жизнетворчество – это стремление направить витальный поток по законам искусства, превратив саму биографию художника в эстетическую форму. Однако объективированные формы, даже если ими становятся стратегии личного поведения, закономерно «каменеют» и начинают довлеть над породившей их душой (Зиммель 1996б: 492). «Сбой формы» в жизнетворческом контексте – это момент, когда форма «жизни-как-искусства» не выдерживает давления самой жизни и разрушается, обнажая онтологическую суть. Трагический разрыв между «жизнью» и «формой» в символистском проекте оказывается при таком понимании структурно неустранимым, он воспроизводится с необходимостью как внутреннее противоречие самой формы.

Разработанная типология позволяет дать ответ на вопрос о том, каким образом мистическое проступает «внутри» реального – через механизм, а не через метафору. Ритмический сбой, семанти-

ческий сбой и пластический сбой — три конкретных пути, посредством которых жизнь преодолевает форму в художественном тексте. В каждом из них воспроизводится логика Зиммеля «более-жизни», форма создается жизнью, поработает ее, а затем жизнь прорывает-ся сквозь форму, обнаруживая за ней бесконечное. Мистическое здесь — это имманентная интенсивность реального, его онтологический избыток, который форма удерживает лишь до тех пор, пока не достигает предела собственной структурной прочности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для методологии анализа символистского текста, так и для общей теории перехода от реального к мистическому в художественной культуре. Разработанная типология «сбоев формы» — ритмического, семантического и пластического — демонстрирует, что переход через полумистическое к мистическому обнаруживает устойчивую структуру. Каждый тип сбоя задает специфическую траекторию дестабилизации формы и соответствующий набор эмпирических индикаторов: ритмический срыв, логико-нарративные лакуны, семантическую избыточность, пластическую деформацию предметности и растворение границ образа.

Методологический потенциал типологии безусловно выходит за пределы анализа отдельных произведений Блока, Анненского и Врубеля, она конституирует общую герменевтическую процедуру для диагностики «пороговых» состояний в символистской культуре в целом.

Список источников

Анненский И.Ф. Кипарисовый ларец. М.: Наука, 1990. 312 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1962а. 714 с.

Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1962б. 556 с.

Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996а. 607 с.

Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996б. 671 с.

Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Нико-Центр, 2006. 438 с.

Иванов В.И. О границах искусства // Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 627-651.

Коваленко Н.Г. Теория символизма как основание философской мысли культуры Серебряного века // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3. С. 148-158. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14

Кузнецова О.Н. Проблема понимания смыслов в искусстве символизма // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19, № 4. С. 66-70. DOI: 10.14529/ssh190409

Матвейчев О.А. Русский Серебряный век: дионисийство против principium individuationis // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4. С. 21-28. DOI: 10.18522/2687-0770-2020-4-21-28

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Ю.А. Антоновского. СПб.: Азбука, 2000. 224 с.

Пушкарева Т.И. Философские аспекты русского символизма // Вестник РГГУ. 2008. № 2. С. 118-120.

Темиршина Л.И. Русский символизм как система трансцендентных смыслов // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8 (390). С. 42-48.

The «Failure of Form» as a Mechanism of Transition to the Mystical in Russian Symbolism of the Late 19th – Early 20th Centuries

Roman V. Chupin – Independent Researcher. Tomsk, Russia.
E-mail: romsen1980@mail.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of the “failure of form” as a key mechanism of the ontological transition from the real to the mystical within the cultural-philosophical system of Russian Symbolism of the late 19th – early 20th centuries. The theoretical basis of the study is provided by the philosophy of life (Lebensphilosophie) of G. Simmel and F. Nietzsche. On this basis, the author develops a typology of “failures of form” that includes rhythmic, semantic and plastic types. Each type corresponds to a specific trajectory of transition through a semi-mystical state to the mystical (an ontological breakthrough). The model is verified on the material of the poetry of A. Blok and I. Annensky and the painting of M. Vrubel. It is established that the “failure of form” is an ontologically necessary event, since it is precisely at the moment when the stable boundaries of the image are destabilized that the symbol loses its function as a sign and becomes a space of the mystical. The three-level model of the analysis of an artistic text — the real, the semi-mystical and the mystical — receives an extended substantiation through the typology of the mechanisms of transition.

Keywords: Russian Symbolism, failure of form, the mystical, philosophy of life, G. Simmel, F. Nietzsche.

References

- Annensky, I.F. (1990) *The Cypress Chest*. Moscow, Nauka Publ. 312 p.
- Blok, A.A. (1962a) *Collected Works: in 8 vols.* Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 714 p.
- Blok, A.A. (1962b) *Collected Works: in 8 vols.* Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 556 p.
- Simmel, G. (1996a) *Selected Works: in 2 vols.* Vol. 2. The Contemplation of Life. Moscow, Yurist Publ. 607 p.
- Simmel, G. (1996b) *Selected Works: in 2 vols.* Vol. 1. The Philosophy of Culture. Moscow, Yurist Publ. 671 p.
- Simmel, G. (2006) *Selected Works*. Kyiv, Niko-Tsentr Publ. 438 p.
- Ivanov, V.I. (1974) On the Boundaries of Art. In: Ivanov, V.I. *Collected Works: in 4 vols.* Vol. 2. Brussels, Foyer Oriental Chrétien. P. 627-651.

- Kovalenko, N.G. (2025) The Theory of Symbolism as a Foundation of the Philosophical Thought of Silver Age Culture. *Science. Society. State*. Vol. 13. № 3. P. 148-158. DOI:10.21685/2307-9525-2025-13-3-14
- Kuznetsova, O.N. (2019) The Problem of Understanding Meanings in the Art of Symbolism. *Bulletin of the South Ural State University*. Vol. 19. № 4. P. 66-70. DOI:10.14529/ssh190409
- Matveychev, O.A. (2020) The Russian Silver Age: Dionysianism against the Principium Individuationis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*. № 4. P. 21-28. DOI:10.18522/2687-0770-2020-4-21-28
- Nietzsche, F. (2000) *The Birth of Tragedy from the Spirit of Music*. St. Petersburg, Azbuka Publ. 224 p.
- Pushkareva, T.I. (2008) Philosophical Aspects of Russian Symbolism. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. No. 2. P. 118-120.
- Temirshina, L.I. (2016) Russian Symbolism as a System of Transcendent Meanings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. № 8 (390). P. 42-48.

Статья поступила 12.12.2025
Принята к публикации 15.07.2026